

Отсутствие руководящего принципа

Постановление Высшего суда федеральной земли Шлезвиг-Гольштейна от 30.10.2023 - № 3 Wx 1/22¹.

Суд низшей инстанции: Участковый суд города Киль (AG) – 1 VI 1196/16

Жалоба, поданная от 23.09.2020 и вынесенное по ней решение от 28.09.2023 предписывает изменить решения Участкового суда (AG)² и Суда по делам о наследстве (NG) города Киль (№ 1 VI 1196/16). Участковому суду (AG) поручено:

- принять свидетельство о наследовании части имущества от 09.12.2016 г.
- выдать заявительнице свидетельство о праве на наследство, в котором она будет указана в качестве наследницы на 3/4, а сторона 2 в качестве наследницы на 1/4. Половина судебных издержек приходится на каждого из участников. Расходы, необходимые для проведения указанной процедуры, участники должны нести сами.

Стоимостная оценка - 125 000,00 евро.

Основания:

I. Сторона 1 (заявительница) родилась в 1978 году и является единственным ребенком наследодателя. Наследодатель и сторона 2 (ответчик) родились в Щецине, жили и поженились в Польше в 1982 году. Они были и оставались гражданами Польши. 10 июля 1984 года покойный обратился в паспортный отдел воеводского управления в Щецине с заявлением о выдаче паспорта для себя и ответчика для поездки в ФРГ на период с 1 сентября по 1 ноября 1984 года. Супруги въехали в ФРГ 21 августа 1984 года, 11 сентября 1984 года они были зарегистрированы в пограничном транзитном лагере Фридланд и оттуда переведены в Киль. Что касается дальнейших обстоятельств дела и представлений участвующих сторон, то ссылка делается на оспариваемое решение с дополнениями:

При регистрации респондент указал немецкую национальность, а покойный - польскую. В ходе рассмотрения вопроса о статусе перемещенного лица была получена выписка из реестра мест происхождения. О ее содержании можно узнать из письма от 30 мая 1985 года. В регистрационное свидетельство, выданное в рамках регистрации при въезде, 17 октября 1986 года были внесены изменения на основании письма от 8 июля 1986 года. Статус обоих был изменен с «неперемещенная группа лиц» на переселенцев, и они были признаны немцами в результате принятия их в качестве переселенцев и включены в распределение: наследодатель - как потомок отца-немца, вторая сторона - как потомок матери-немки и жены перемещенного лица в соответствии с решением Федерального административного суда (BVerwG) от 16 марта 1977 года³.

¹ OLG Schleswig Beschl. v. 30.10.2023 – 3 Wx 1/22 – ECLI:DE:OLGSH:2023:1030.3WX1.22.00

² «AmtsGericht» – суд самой низшей инстанции в Германии.

³ Постановление Федерального Административного Суда (BVerwG) от 16 марта 1977 года³ № 8C 58.76 // Сборник решений Федерального Административного Суда 52, 167.

В результате пара получила удостоверения изгнанника А, умерший 26 июня 1986 года - как перемещенный этнический немец, поскольку его отец, родом из Лемберга, служивший в польской армии с 1944 года и затем живший в Польше, в 1984 году считался этническим немцем. У второй участницы мать была немецкого происхождения, но сама она не считалась перемещенной этнической немкой, поскольку ее мать переехала из Любека в Штеттин в 1946 году. Тем не менее, как жене этнического немца, который был перемещен с родины, второй стороне было выдано удостоверение перемещенного лица А 27 октября 1986 года.

17 октября 1986 года покойный обратился в польское посольство в Кельне с просьбой продлить срок действия его паспорта и выдать его в ФРГ. Помимо проживания в Щецине и работы в муниципалитете Кольбицов, он указал в качестве своего заграничного адреса адрес в Киле и заявил, что получает ежемесячное пособие на обучение в размере 750,00 марок, а также приложил справку, подтверждающую, что он был направлен на повышение квалификации. В феврале 1988 г. покойный обратился в паспортный отдел воеводского управления в Щецине за паспортом для поездки в Федеративную Республику Германия на период с 1 по 16 апреля 1988 г. Кооператив «Сполем» подтвердил, что он работает там в качестве кассира. Он предоставил ему отпуск на запрашиваемый период. Обоим супругам было предоставлено немецкое гражданство. В 2018 году Федеральное ведомство по делам администрации не смогло установить, была ли проведена процедура определения немецкого гражданства в отношении умершего.

После того как в 1982 году родители наследодателя передали ему права на недвижимость в Щецине, наследодатель разделил недвижимость, построил новый задний дом, а затем передал передний дом обратно своим родителям. Супруги приобрели доли в праве совместной собственности на передний дом в 1996, 2001 и 2006 годах.

В договорах, составленных на польском языке, каждый из них указал, что проживает в Польше. В 1996 году супруги также приобрели недвижимость в Нейварпе (Польша). В договоре купли-продажи от 5 апреля 1996 года супруги заявили, что приобрели недвижимость на средства из «общего имущества» (*majatku dorobkowego*) и не заключали никаких соглашений о супружеской собственности. Между сторонами возник спор о том, следует ли переводить этот термин как «общие приобретения» или «общие накопленные доходы». В договоре от 5 октября 2001 года между матерью наследодателя и наследодателем он также указал, что приобретает долю в совместной собственности на средства, полученные от «*majatku dorobkowego*». В договоре от 30 августа 2006 года с сестрой наследодателя (Х.) супруги заявили, что у них нет польского налогового номера, и идентифицировали себя с помощью удостоверений личности. Они заявили, что половина их доли в совместной собственности будет передана сестре наследодателя на основании, установленной законом супружеской «совместной собственности». В другом договоре от 22 сентября 2006 года супруги представили перед нотариусом с немецкими паспортами, а наследодатель дополнительно с федеральным удостоверением личности и заявили, что приобрели жилую недвижимость на основании установленной законом совместной супружеской собственности.

Кроме того, 24 мая 1999 года они подтвердили свою личность у нотариуса с помощью немецких паспортов, указав адрес проживания в Киле, и заявили, что в их браке действовал режим совместной супружеской собственности/общего имущества (спорный). Записи в книге федеральной земли были сделаны в соответствии с информацией, предоставленной супругами, при этом здесь также был указан правильный адрес.

Покойный также был зарегистрирован в квартире в Щецине до своей смерти. Его последнее обычное место жительства находилось в Федеративной Республике Германия. Он умер в Киле 21 апреля 2016 года, не оставив завещания. В состав наследства входит недвижимость в Польше. 20 августа 2018 года компания «Spolem Allgemeine Lebensmittel – Genossenschaft» в Щецине выдала справку о трудоустройстве и вознаграждении умершего, в которой указано, что он работал в компании с 20 августа 1987 года по 15 апреля 1988 года и был зарегистрирован в польском государственном страховом учреждении. Это также следует из справки о трудоустройстве, выданной в тот же день.

Постановлением от 12 декабря 2016 года (дата выдачи) суд по делам о завещаниях выдал частичное свидетельство о праве на наследство стороне 2 по ее просьбе, в котором она указана как наследница 1/2 доли наследства. Заявительница обратилась с заявлением об отмене свидетельства о праве на наследство и выдаче нового свидетельства о праве на наследство, в котором она указана как наследник 3/4, а вторая сторона - как наследник 1/4. Она считала, что должно применяться немецкое наследственное право, но не § 1371 Гражданского Кодекса Германии. На протяжении всего брака супруги жили в режиме супружеской собственности по польскому праву.

29 сентября 2016 года заявительница также обратилась в окружной суд Щецина в Польше с заявлением о выдаче свидетельства о праве на наследство, которое должно определить ее как сонаследницу одной половины по польскому законодательству. Разбирательство по этому делу не ведется. Стороны спорят о том, изменился ли режим собственности на общность накопленных доходов по немецкому праву в результате признания перемещенным лицом или же сохранился режим собственности, установленный польским законодательством, поскольку требования для предоставления статуса перемещенного лица не были выполнены, а были лишь симулированы супругами.

Заявитель утверждал, что супруги подали заявление о приеме в качестве перемещенных лиц на федеральной территории 16 сентября 1984 года, но въехали в страну только для подачи заявления, а в остальном продолжали жить в Польше и работали до 15 апреля 1988 года, уплачивая взносы в фонд социального страхования. Они также имели там свое основное место жительства. Удостоверения личности перемещенных лиц были раскрыты. Они переехали в Федеративную Республику Германия не ранее 15 апреля 1988 года после того, как социальные органы начали свои расследования. Однако их корни оставались в Польше. Позднее они утверждали, что не переезжали, поскольку не отказались от связи с Польшей даже после отказа от работы в этой стране и судебных споров, а просто перенесли свое обычное место жительства в Федеративную Республику.

Хотя удостоверения личности высылаемых служили доказательством статуса высылаемого, они не исключали доказательств обратного. В досье на выселенцев, с

которым должен был ознакомиться суд, было указано, что супруги в разных конstellляциях утверждали, что являются этническими немцами или происходят от них. Отец наследодателя уже давал ложные показания, когда его тайно вывезли в 1943 году; он тоже не был ни немцем по происхождению, ни немецкоговорящим, ни интегрированным в немецкий народ. Покойный не имел немецкого происхождения, воспитания, языка и культуры и не был немцем по национальности. При въезде в страну он заявил о своей польской национальности. Удостоверение личности высланного лица А не должно было быть ему выдано. Вторая сторона не имела немецкого происхождения. Польский режим супружеской собственности не был изменен в соответствии с § 1 Закона о режиме супружеской собственности перемещенных лиц и беженцев (VertrGüterstG), поскольку супруги не являлись фактически перемещенными лицами.

Любой статус перемещенного лица прекратил бы свое существование, если бы место жительства было перенесено обратно в район перемещения в соответствии с разделом 7 Закона о регулировании вопросов гражданства (StAngRegG). Основное место жительства покойного в 2016 году находилось в Польше, как следует из его (польской) личной базы данных. Заявитель считает, что п. 1 ст. 21 Положения о наследовании в данном случае неприменим в силу его п. 2. Поскольку активы находились в Польше, у покойного была более тесная связь с этой страной. В пользу этого говорит пункт 24 а.Е. Регламента ЕС о наследовании. В отличие от ст. 116 Основного закона Германии (GG), § 1 Закон о семейном положении перемещенных лиц и беженцев (VertrGüterstG) требует, чтобы оба супруга были перемещенными лицами. Недостаточно, чтобы они считались таковыми. Статусные немцы по смыслу ст. 116 Основного закона - это не те, кто был принят в Щецине после 1945 года. Они могли стать таковыми только в случае переезда на федеральную территорию.

Вторая сторона первоначально утверждала, что она является сонаследницей 1/2 как по польскому, так и по немецкому наследственному праву. Согласно ст. 931 § 1 Гражданского кодекса Польши, дети и супруг наследуют в равных долях. Заявительница не могла по своему усмотрению сочетать немецкое наследственное право и польское семейное право.

Оба супруга получили удостоверение личности «изгнанника А», которое подтверждало их статус как немцев по смыслу ст. 116 Основного закона. Суд был связан этим. В результате они получили немецкие удостоверения личности, а также обладали немецким гражданством на момент заключения брака. Без немецкого происхождения покойный не получил бы удостоверение перемещенного лица. Из справки о трудоустройстве на краткосрочную работу в 1987/88 годах в 2018 году нельзя было сделать вывод о том, что супруги проживали в Польше. Краткосрочное трудоустройство в Польше не аннулирует статус поздней репатриации после его установления (Решение Федерального административного суда (BVerwG) № 5 С 45.01 от 12 марта 2002 года, Решение Федерального административного суда (BVerwG) № IV С 47.58 от 12 июня 1959 года). Согласно информации, содержащейся в реестре мест происхождения, отец покойного был отнесен к категории этнических немцев. В ходе промежуточного пересмотра дела вторая сторона позднее заявила, что письмо из реестра мест

происхождения описывает лишь общие процедуры и что из него нельзя сделать вывод о каком-либо решении.

Мать/жена наследодателя также была немкой. Приобретение активов в Польше и сохранение польского гражданства не повлияло на статус перемещенного лица. Статья 24 Постановления ЕС о наследовании не имела значения, поскольку основные активы находились не в Польше, а покойный имел более тесную связь с Германией. Согласно статье 37 Постановления ЕС о правопреемстве, более тесная связь также должна быть принята во внимание.

§ 7 Закона о регулировании вопросов гражданства (StAngRegG) был отменен, поэтому заявитель не мог сослаться на это положение. Кроме того, данная норма не применяется в случае имеющегося немецкого гражданства и требует постоянного проживания в иностранном государстве, чего в данном случае нет.

В постановлении, вынесенном в период с 23 по 28 сентября 2020 года, суд по делам о завещаниях отклонил заявления об отмене выданного свидетельства о праве на наследство и выдаче нового свидетельства о праве на наследство. Должно было применяться немецкое наследственное право. Соответственно, сторона 2 наследует 1/4 в соответствии с § 1931 абз. 1 Гражданского кодекса (BGB), а ее наследственная доля увеличивается на 1/4 в соответствии с § 1371 абз. 1 Гражданского кодекса (BGB). Несмотря на то, что супруги вступили в брак в Польше как польские граждане, немецкое законодательство об имуществе супругов должно было применяться в соответствии со ст. 15 абз. 4 EGBGB в старой редакции в сочетании с положениями Закона о режиме супружеской собственности перемещенных лиц и беженцев (VertrGüterstG).

Согласно § 1 абз. 1 Закона о режиме супружеской собственности перемещенных лиц и беженцев (VertrGüterstG) (старая редакция), супруги, являющиеся перемещенными лицами или беженцами из Советского Союза (§§ 1, 3 и 4 BVFG (старая редакция)), которые одновременно имеют обычное место жительства на территории применения настоящего Закона и проживают в условиях установленного режима супружеской собственности закона, действующего за пределами территории применения настоящего Закона, с момента вступления в силу настоящего Закона подпадают под режим супружеской собственности Гражданского кодекса (BGB). Согласно § 3 Закона о режиме супружеской собственности перемещенных лиц и беженцев (VertrGüterstG) старой редакции, если из условий перехода режима супружеской собственности, указанных в § 1 абз. 1 Закона о режиме супружеской собственности перемещенных лиц и беженцев (VertrGüterstG) старой редакции, условие о том, что оба супруга имеют обычное место жительства на территории действия настоящего Закона, наступило только после вступления в силу настоящего Закона, режим супружеской собственности Гражданский кодекс (BGB) применяется к этим супругам с начала четвертого месяца после наступления этого условия.

Согласно представленным удостоверениям личности «А» для перемещенных лиц и беженцев, оба супруга были признаны перемещенными лицами в соответствии с § 2 Федерального закона о высланных лицах (BVFG) старой редакции и Переселенцы в соответствии с § 1 абз. 2 № 3 Федерального закона о высланных лицах (BVFG) старой

редакции.

Согласно § 2 Федерального закона о высланных лицах (BVFG) старой редакции, перемещенное лицо может быть только перемещенным лицом по смыслу § 1 Федерального закона о высланных лицах (BVFG) старой редакции. Перемещенным лицом по смыслу § 1 абз. 2 № 3 Федерального закона о высланных лицах (BVFG) (старая редакция) является лицо, которое, будучи гражданином Германии или представителем немецкой этнической группы, после завершения общих мер по высылке покинуло или покидает восточные немецкие территории Гданьска, Эстонии, Литвы, Советского Союза, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии, Албании или Китая, которые в настоящее время находятся под иностранным управлением, если оно, не будучи выслано с этих территорий и возвращено на них к 31 марта 1952 г. 03.1952, установил место жительства на этих территориях после 8 мая 1945 г. (репатрианты). Согласно § 2 абз. 1 Федерального закона о высланных лицах (BVFG) (старая редакция), перемещенным лицом является перемещенное лицо, имевшее место жительства на 31 декабря 1937 г. или ранее в государствах, составляющих район высылки, рассматриваемый как единая территория. Согласно § 2 абз. 2 Федерального закона о высланных лицах (BVFG) (старая редакция), перемещенный супруг или потомок также считается перемещенным лицом, если другой супруг или, в случае потомков, один из родителей проживал на территории перемещения 31 декабря 1937 года или ранее.

Требования § 2 абз. 1 в сочетании с п. 2 Федерального закона о высланных лицах (BVFG) (старая версия) были выполнены покойным. Это следовало из информации, содержащейся в реестре мест происхождения немцев из Вартеланда и Польши в Ганновере. Согласно этой информации, после присоединения Восточной Галиции к Генеральному правительству Польши под немецкой оккупацией, которое было завершено 1 августа 1941 года, с 1942 года во всем Генеральном правительстве начались меры по регистрации семей с членами немецкого (частично немецкого) происхождения, которые были более или менее полно интегрированы в другую этническую группу путем ассимиляции и (или) усыновления, по их «германизации» и в конечном итоге по их натурализации. В конце процедуры эти группы людей также направлялись через Центральное управление иммиграции для проверки их соответствия критериям германизации. Классификация семей, признанных имеющими право на натурализацию, основывалась на процентном соотношении немецкого происхождения всех членов семьи (супруги не немецкого происхождения включались в процедуру) в сочетании с оценкой «расовых и наследственно-биологических» характеристик (I-IV) в группе А (зарегистрированных для иммиграции и натурализации) и группе В (зарегистрированных для натурализации). Хотя декларация о немецком гражданстве была желательна, она не являлась обязательным условием для признания, равно как и знание немецкого языка. В особых случаях «иностранцы граждане» также признавались имеющими право на получение немецкого гражданства по решению начальника Центрального управления иммиграции. Получение немецкого гражданства с этим не связывалось, но условное правовое равенство было.

В этом контексте отец покойного, согласно информации из реестра мест

происхождения немцев, был направлен через Иммиграционную службу 24 марта 1944 года на основании своей матери-немки как лицо немецкого происхождения в рамках регистрации лиц немецкого происхождения и был предложен для группы III Национального списка Германии (Deutsche Volksliste). Отец покойного также проживал со своими родителями в Добромиле, Пшемысльский район, будучи несовершеннолетним 31 декабря 1937 года и 1 сентября 1939 года. Покойный являлся перемещенным лицом (этническим немцем-переселенцем) по смыслу § 1 абз. 2 № 3 BVFG (старая редакция), поскольку он покинул Польшу как этнический немец после завершения общих мер по высылке, поскольку его отец имел немецкое происхождение. Он также являлся перемещенным лицом как перемещенный потомок, поскольку его отец, который ранее въехал на федеральную территорию, проживал на территории Польши 31 декабря 1937 года (§ 2 абз. 1 в сочетании с абз. 2 Федерального закона о высланных лицах (BVFG) (в старой редакции)).

В связи с понятным признанием покойного в качестве этнического немецкого изгнанника и этнического немецкого переселенца статус второй стороны изменился в соответствии с § 1 абз. 3 Федерального закона о высланных лицах (BVFG) (старая редакция). Теперь она также считалась перемещенным лицом и этническим немцем-переселенцем, поскольку была включена в распределение как потомок матери-немки. Согласно § 1 абз. 3 Федерального закона о высланных лицах (BVFG) (старая редакция), перемещенным лицом считалось также любое лицо, которое, не будучи гражданином Германии или представителем немецкого этнического меньшинства, потеряло место жительства в качестве супруга перемещенного лица. Цель этого положения заключалась в том, чтобы защитить существующий брак от угрозы высылки супруга-немца. Таким образом, вторая сторона могла быть перемещенным лицом в соответствии с § 1 абз. 3 Федерального закона о высланных лицах (BVFG) (в старой редакции), даже если она была гражданкой Германии. Единственным решающим фактором было то, был ли ее супруг изгнанником и существовал ли брак до высылки. Это требование также было соблюдено, поскольку брак между наследодателем и второй стороной уже существовал, когда они вместе приехали в Федеративную Республику Германия из Польши 21 августа 1984 года. Не было очевидно, что после приезда в Германию они вновь навсегда изменили свое обычное место жительства.

Старая версия Закона о режиме супружеской собственности перемещенных лиц и беженцев (VertrGüterstG) вступила в силу 1 октября 1969 года и действовала до 28 января 2019 года. Супруги приехали в Германию 21 августа 1984 года. В связи с этим с 21 декабря 1984 года к наследодателю и второй стороне применялся режим супружеской собственности, предусмотренный Гражданским кодексом Германии, и, соответственно, установленный законом режим супружеской собственности в виде общности накопленных доходов, § 1 (1) в сочетании с § 3 Закона Германии о супружеской собственности (старая редакция). Апеллянт жалуется на то, что суд по делам о завещаниях не принял во внимание тот факт, что вторая сторона должна сама быть перемещенным лицом для применения § 1 абз. 1 Закона о режиме супружеской собственности перемещенных лиц и беженцев и что недостаточно, чтобы она только рассматривалась в качестве такового. В противном случае

законодательство о гражданстве Германии будет вмешиваться в негерманские правоотношения и, таким образом, во внутренние дела иностранного государства. Кроме того, суд по делам о завещаниях не сделал никаких выводов о том, должен ли он был самостоятельно определить фактическую этническую принадлежность или же он был связан представленным удостоверением личности. В последнем случае указание было бы необходимо для того, чтобы дать заявителю возможность аннулировать поддельные удостоверения личности высланного в рамках административного разбирательства. Поскольку суд по делам о завещаниях посчитал, что он может полагаться на представленные удостоверения личности и информацию из реестра мест происхождения в качестве независимой экспертизы перемещенного имущества, это было ошибочно с точки зрения закона и неправильно по существу.

В оригиналах документов 1944 года была неразборчивая рукописная запись о бабушке отца наследодателя под заголовком «Volkszu-hörigkeit» (этническая принадлежность), которую, возможно, можно прочитать как «немец». В отношении бабушки наследодателя по отцовской линии ничего не указано. Что касается этнической принадлежности бабушки и дедушки отца наследодателя по материнской линии, то там было написано что-то неразборчивое, что нельзя было прочитать как «немец» даже при самом лучшем в мире завещании. В данном случае потребовалось бы дополнительное уточнение этнической принадлежности. Из документов также не было известно, был ли разрешен транзит через страну, которого добивался отец наследодателя. Фактически из истории семьи было известно, что он не состоялся. Это также следует из того факта, что отец покойного остался в Польше после неудачной попытки сотрудничества и участвовал в распределении польской военной добычи. Выписка из реестра мест происхождения не прояснила эти противоречия. В ней вообще ничего не говорится об этнической принадлежности отца или матери покойного. Упоминается, что отец покойного не указан в представленных личных данных и что необходимо провести дальнейшее расследование через Берлинский центр документов и источники из Добромила. Однако Суд по делам о завещаниях также не оценил общую информацию, содержащуюся в реестре мест происхождения. Согласно ей, население немецкой национальности было переселено из части Галиции, аннексированной Советским Союзом в период с ноября 1939 года по февраль 1940 года. После присоединения этой территории к генерал-губернаторству остались только люди не немецкой национальности - «Быть германизированным». Если бы там случайно оказался человек немецкой национальности, то ему бы предложили натурализацию по аннулированию. Принимая во внимание эти данные, суд по делам о завещаниях должен был прийти к выводу, что отец покойного в лучшем случае мог иметь немецкое происхождение без немецкой этнической конфессии и без немецкой этнической принадлежности, но ни в коем случае не немец в смысле § 6 абз. 2 Федерального закона о высланных лицах (BVFG) (в старой редакции). В соответствии с концепцией гуманности Основного закона, она основывается на культурных и этнических, но не на наследственно-биологических и расовых характеристиках. Поэтому, даже если бы бабушка покойного была этнической немкой, ее сын, отец покойного, не был бы немцем по смыслу § 6 абз. 2 Федерального закона о высланных лицах (BVFG) (старая версия). От него не было заявления о немецком гражданстве. Он не говорил по-немецки. Он также не являлся носителем

немецкой культуры. Наследодатель также не мог говорить по-немецки, когда въехал на федеральную территорию, и указал польский язык в качестве своего родного. Он неправдиво указал, что родным языком его бабушки был немецкий. Суд по делам о завещаниях должен был это уточнить.

Суд по делам о завещаниях проигнорировал польское этническое признание отца. Это было правильно и произошло естественным образом, без какого-либо колонизаторского давления со стороны польских властей. Уже из транзитной карты отца покойного было ясно, что он не знал немецкого языка. Документы 1944 года также не выявили признания немецкой национальности. С другой стороны, регистрационные бланки для получения польского удостоверения личности свидетельствовали о его польской национальности и о том, что он переехал в зону высылки только 10 ноября 1947 года, после того как с 1944 по 28 февраля 1947 года служил в Народной армии в Люблине, в 60 км к западу от современной польско-украинской границы. Вопреки предположению суда по делам о завещаниях, он также никогда не выезжал в Федеративную Республику Германия.

Поскольку Суд по делам о завещаниях хотел сделать вывод о немецком происхождении бабушки отца наследодателя, он проигнорировал представленное ею признание польской национальности. О племяннице бабушки было известно, что в семье никогда не говорили по-немецки, даже до войны. Письмо Берты М. от 18 августа 1978 года - неясно, кто именно это - к ее бабушке, хранящееся в деле о высланных, не имеет никакого значения в этом отношении, поскольку Берта М. не говорила по-польски. Постскрипту к этому письму позволяет предположить, что до этого момента они не поддерживали переписку. Брат бабушки также не был принят в ФРГ в качестве перемещенного лица немецкой национальности, но женился на гражданке Германии, так что после войны он остался в Германии. Заявительница представила письмо из муниципалитета Боденвора, в котором говорилось, что у него было только польское гражданство и он не был признан перемещенным лицом. Бабушка переехала из Сибири в район высылки только в 1957 году. Об этом свидетельствуют регистрационные бланки для получения польского удостоверения личности. Ее собственная девичья фамилия М. и фамилия ее матери Н. были не немецкими, а польскими именами. Они указывали на польскую национальность. В Добромиле и Оберенгельсбрунне не было взаимопроникновения этнической принадлежности и имен, поскольку последний был основан только в 1784 году как чисто немецкая колония на чисто славянской территории. Автохтоны и колонисты в основном жили бок о бок. В родословной бабушки и дедушки наследодателя не было ни одного немецкого имени.

Суд по делам о завещаниях также проигнорировал тот факт, что попытка отца покойного тайно вывезти его в 1944 году провалилась. Он был отнесен к расовой группе III (непригодный или нежелательный прирост населения), и ему были присвоены индивидуальные расовые характеристики: едва достаточное телосложение, неуравновешенный динарско-восточный гибрид, более не пригодный для жизни. В результате проверки не было установлено, что он подходит для натурализации или отмечен для подачи заявления на натурализацию. В противном случае в карточке была бы

указана соответствующая группа А или В. Кроме того, 18-летний человек, способный к повторной германизации, почти наверняка был призван на военную службу в вермахт в 1944 году. На самом деле отец наследодателя служил в польских коммунистических вооруженных силах с 1944 года. Невозможно объяснить, был ли он ранее призван в вермахт или тайно проник на территорию Рейха. Свидетель мог подтвердить, что отец покойного оставался в районе польско-германо-советской границы и поселился в Щецине, который был очищен от немецкого населения, только в 1947 году. Покойный не переселился. Согласно общему административному регламенту и Федеральному закону о высланных лицах (BVFG), зона переселения покидается только в случае отказа от проживания в ней. Этого не произошло. Покойный сохранил свое место жительства в Польше в качестве вторичного места жительства. Это произошло не только по закону о регистрации, но и фактически, что могли подтвердить заявитель и свидетель.

Суд по делам о завещаниях также не рассмотрел вопрос о публичном порядке, который возник в связи с тем, что в Германии не было или почти не было активов, а единственная ценная часть имущества находилась в виде недвижимости на территории Польши. Нарушение принципов IPR со стороны Закона о режиме супружеской собственности перемещенных лиц и беженцев (VertrGüterStG) основывается на том, что немецкий законодатель не желает связывать своих граждан режимом супружеской собственности страны перемещения, и предполагается, что перемещенные лица негативно к нему относятся. Однако в случае супругов этого не было. Они распределили немецкое имущество между родителями наследодателя и в течение многих лет приобретали оставшуюся часть путем юридических сделок, ссылаясь на польский режим супружеской собственности. С точки зрения польской публичной политики недопустимо, чтобы изменение режима супружеской собственности поляков имело силу в Польше из-за того, что иностранное государство навязывает этим полякам антипольское отношение. Федеративная Республика могла бы сделать это на своей территории, но не распространять на польскую территорию. Такое нарушение польского публичного порядка привело бы к фактическому разделу имущества, что противоречило бы системе.

Супруги не могли ссылаться на защиту законных ожиданий в отношении применения немецкого законодательства о режиме супружеской собственности, поскольку в наследственном праве не существует защиты законных ожиданий. Законодатель исходил из того, что жизнь перемещенных лиц будет протекать за пределами зоны рассеяния в ФРГ и что отношения там должны быть защищены от неожиданностей, вызванных экзотическими режимами супружеской собственности для немцев, которые в остальном полностью интегрированы. Защита законных ожиданий в пользу третьих лиц менее проблематична. Однако в данном случае речь о третьих лицах не идет. Защита законных ожиданий также относится исключительно к сделкам между супругами. Это логично, поскольку только в случае юридических сделок знание или ошибочное незнание действительности иностранного права может иметь значение. Это также относится к случаю развода, но не к расторжению брака, который не похож на юридическую сделку и, следовательно, не является отправной точкой для учета пороков воли.

Таким образом, ожидания по наследственному праву также не защищены. Однако даже если бы существовала защита законных ожиданий пережившего супруга по наследственному праву, она могла бы быть предоставлена только в случае незнания закона, регулирующего последствия брака по праву супружеской собственности. Однако супруги приобрели активы исключительно в Польше и регулярно прямо ссылались на совместную супружескую собственность и общность имущества по польскому законодательству. Это очевидно, в частности, из договора от 22 сентября 2006 года, поскольку они идентифицировали себя там по немецким документам, но прямо гарантировали действительность совместной супружеской собственности. Таким образом, они были полностью осведомлены о режиме супружеской собственности, предусматривающем общность накопленных доходов. Даже если супруги предполагали, что их брак подчиняется польскому праву в Польше и немецкому праву в Германии, это не имеет значения. В отношении юридических сделок, совершенных в Польше, не требуется защита законных ожиданий в пользу применения немецкого права.

Сторона 1 как апеллянт просила:

1. Постановление Участкового суда (AG) города Киль от 23 сентября 2020 года, дело № I VI 1196/16, отменить

2. поручить суду по делам о завещаниях:

а) признать недействительным и отозвать свидетельство о праве на наследство из предмета рассмотрения Участкового суда (AG) от 9 декабря 16 года, в котором ответчик указан как наследник 1/2,

б) выдать истцу свидетельство о праве на наследство, в котором ответчик указан как наследник 1/4, а истец - как наследник 3/4.

3) Ответчик несет расходы по апелляционному производству, включая внесудебные расходы апелланта.

Сторона 2 просила:

чтобы апелляция по пунктам 1-3 была отклонена.

Вторая сторона отвечает, что решение суда по делам о завещаниях было правильным. Удостоверения личности высылаемых, очевидно, были выданы на законных основаниях. Суд по делам о завещаниях мог опираться на них, даже если он мог решить в рамках своей юрисдикции, существует ли статус перемещенного лица, поскольку это была оценка материально-правовой ситуации в Германии. Суд по делам о завещаниях не мог вынести решение против решения Управления по делам перемещенных лиц, беженцев и лиц, пострадавших от войны, города Киль, поскольку не обладал юрисдикцией. Компетенция суда по принятию решений предполагает, что ведомство приняло неверное решение. Кроме того, заявитель неверно истолковал эссе Хохлоха. Заявитель псевдоисторически утверждал что-то на страницах, не имея для этого достаточных знаний. Ведомство, выдававшее удостоверения личности для перемещенных лиц, вероятно,

обладало большим опытом, чем заявитель. В задачи суда по делам о завещаниях не входило рассмотрение вопроса о том, могут ли изданные административные акты быть незаконными. Для этого ему не хватало технических знаний. Суд по делам о завещаниях также провел независимую экспертизу статуса перемещенного лица, а не просто сослался на иностранные решения без проведения независимой экспертизы. Знание немецкого языка не имеет значения. Немецкая этническая принадлежность не является обязательным условием. Наследодатель проживал в Германии. Неверно, что наследодатель в течение многих лет постоянно инвестировал в Польшу. Суд по делам о завещаниях также рассмотрел дело о публичном порядке. Кроме того, дело касалось не иностранцев, а граждан Германии. Нельзя отказывать в признании немецкого решения на территории Польши. Нарушение ст. 40 п. а) Европейская конвенция о наследственном праве отсутствует. Требования Закона о режиме супружеской собственности перемещенных лиц и беженцев (VertrGüterstG) были соблюдены. Наследодатель и стороны 2 были перемещенными лицами.

Из информации, содержащейся в купчих, нельзя было сделать вывод о том, что супруги сделали выбор права в пользу польского режима супружеской собственности. Они просто не были осведомлены о правовой ситуации. В ходе разбирательства по делу о возмещении ущерба суд по завещанию 17 мая 2021 года указал, что после повторной проверки из информации в реестре мест происхождения не следует, что отец покойного был записан в группу III немецкого этнического списка в рамках регистрации покойного. Было предложено Иммиграционным центром.

Там ему сообщили только о том, что он был ввезен контрабандой, но не о результате. Отнесение к группе III в расовой карте и медицинском листке было дополнено буквами R и S, которые означали Управление по делам расы и поселений и не относились к немецкому этническому списку. Однако даже если бы он был отнесен к группе III немецкого этнического списка, он не стал бы автоматически членом немецкой этнической группы в соответствии с § 6 Федерального закона о высланных лицах (BVFG). Скорее, речь шла о промежуточных классах, подлежащих германизации, включая лиц немецкого происхождения, которые в течение многих лет вступали в связи с поляками, но не придавали значения сохранению своей немецкой идентичности. В отношении этих лиц необходимо в каждом отдельном случае выяснить, сделали ли они признание по смыслу § 6 Федерального закона о высланных лицах (BVFG) незадолго до начала общих мер по высылке (Высший административный суд (OVG) Rheinland-Pfalz от 8 октября 1991 г. - A 10893/91). Гражданином Германии по смыслу § 6 Федерального закона о высланных лицах (BVFG) является лицо, исповедовавшее немецкую национальность на своей родине незадолго до начала общих мер по высылке, если эта профессия подтверждается определенными характеристиками, такими как происхождение, язык, образование и культура. В случае с отцом наследодателя это не было известно или очевидно.

Также не удалось установить, что наследодатель сам принадлежал к немецкой этнической группе. Поскольку он родился только после высылки, решающее значение имело то, были ли родители, один из родителей, бабушки и дедушки или другие близкие люди гражданами Германии в юридическом смысле этого слова. До принятия общих мер

по высылке они должны были принять на себя обязательства в отношении немецкой этнической принадлежности, которые сохранялись до начала мер по высылке, и которые должны были подкрепляться соответствующим осознанием и внешне обязательным выражением воли быть членом немецкого народа как культурной общности, имеющей национальный характер, не принадлежать ни к какой другой этнической принадлежности и чувствовать себя связанным с этой общностью прежде, чем с любой другой культурой. Это признание должно было продолжать характеризовать завещателя, родившегося позже, до наступления независимости в смысле конфессиональной связи, установленной путем передачи его по наследству; одного лишь происхождения от немцев в этническом смысле было недостаточно (Федеральный административный суд (BVerwG) от 12 ноября 1991 года - № 9 В 109/91). Не было известно ни о таком исповедании среди родителей/бабушек/дедушек наследодателя, ни о такой конфессиональной связи через родителей/бабушек/дедушек наследодателя. Незнание наследодателем немецкого языка было обстоятельством, которое не позволяло предположить наличие традиции этнического немецкого сознания. Нельзя предположить, что наследодателя учили немецкому языку таким образом, чтобы можно было сделать вывод, что он находился под влиянием немецкого национального сознания до обретения независимости (Баварское административное судебное учреждение Мюнхена (VG Munich) от 27 февраля 1997 года - М 10 К 96.2389). Наследодатель также не мог покинуть Польшу в качестве гражданина Германии, получив польское гражданство своего отца, который также не имел немецкого гражданства. Даже в случае включения в раздел III списка гражданства Германии связанное с этим приобретение немецкого гражданства при аннулировании не может считаться эффективным. Согласно положениям Закона о регулировании вопросов гражданства (StARegG), необходимым условием для вступления в силу присвоения гражданства является наличие немецкой национальности в соответствии с § 6 Федерального закона о высланных лицах (BVFG) (Высший административный суд (OVG) Rheinland-Pfalz от 8 октября 1991 г. - А 10893/91). Соответственно, право на получение удостоверений личности высланного лица, вероятно, отсутствует.

Поскольку увеличение наследственной доли супругов, вытекающее из § 1371 абз. 1 Гражданского кодекса Германии, должно было быть сохранено с точки зрения защиты законных ожиданий, несмотря на отсутствие статуса перемещенного лица, необходимое доверие к немецкому режиму супружеской собственности не проявилось у супругов. В представленных договорах купли-продажи они продолжали ссылаться на польский режим супружеской собственности. Не было очевидно, что это изменилось к моменту смерти наследодателя.

Вторая сторона считает такое мнение завещательного суда ошибочным. Добавление букв R и S не свидетельствует о том, что предполагал суд по делам о завещаниях. Это связано с тем, что Управление по делам расы и поселений отвечало за классификацию в группах с I по IV. Кроме того, расовое и поселенческое ведомство не классифицировало R и S, а лишь внесло их в Национальный реестр Германии. Отсюда и появились буквы R и S в документе.

В этой связи сторона 2 ссылается на следующие интернет-источники:

1. https://de.wikipedia.org/wiki/Deutsche_Volksliste,
2. <https://ome-lexikon.uni-oldenburg.de/begriffe/deutschevolksliste>.

Этническая принадлежность в соответствии с § 6 Закона о делах перемещённых лиц и беженцев (BVFG) и, следовательно, знание немецкого языка и приверженность немецкому гражданству не имеют значения, поскольку супруги являются гражданами Германии. Это также было установлено Управлением по делам высланных лиц города Киль на страницах 6, 7, 10 и 13 досье высланных лиц.

Супруги пользовались защитой законных ожиданий в рамках немецкого режима супружеской собственности, поскольку они жили, работали, имели центр жизни и являлись налоговыми резидентами в Германии. Они также не ссылались на польский режим супружеской собственности, а лишь заявили, что живут в установленном законом режиме общности имущества. Это было нечто иное. Заявительница неправильно перевела польские документы, когда использовала термин «общность имущества». В конце концов, супруги также идентифицировали себя по немецким удостоверениям личности, не были юристами и не нуждались в знании сложной правовой ситуации.

С другой стороны, заявительница заявила, что интернет-ссылки, предоставленные стороной 2, показывают, что немецкий этнический список был составлен нижестоящими административными органами без расового отбора (за исключением Великой Польши/Вартеланда с участием Управления по делам расы и поселений). Однако эти органы были связаны не с отцом покойного, а с Управлением по делам расы и поселений.

Это соответствовало процедуре, которая была запланирована для транзита из Галиции/Генегальского губернаторства. Документы в досье высылаемого также в точности соответствовали процедуре транзита, которая завершилась здесь отказом. В соответствии с п. 2(с) реестр мест происхождения также пришел к выводу, что имела место регистрация за пределами круга немецких граждан, с оценкой расовых и наследственных характеристик групп I-IV.

Не могло быть и речи о доверии со стороны супружеской пары, поскольку им было известно, что на протяжении нескольких поколений никто из семьи отца не признавал себя немцем, и что у них было временное место жительства. Основанием для предположения о немецкой национальности послужило недоразумение (группа III DVL вместо группы III расовой оценки) и ложная информация, предоставленная наследодателем о якобы немецкой матери.

Суд по делам о завещаниях - после смены ведомства - не стал рассматривать жалобу и постановил, что применение § 1371 абз. 1 Гражданского Кодекса Германии (BGB) было уместным. Признание перемещенным лицом имело ориентировочный эффект. Нет необходимости рассматривать вопрос о том, имели ли наследодатель и второй участник право на выдачу удостоверения личности изгнанника, а необходимо выяснить, имеются ли признаки, которые делают недействительным это первоначальное обстоятельство немецкого гражданства. Представленные договоры купли-продажи сами по себе не подходили для этой цели. Это объяснялось тем, что в заявлениях супругов о супружеской общности имущества не было указано, регулируется ли оно польским или немецким

правом. Кроме того, не вызывало сомнений, что оба супруга жили и работали в Германии. Даже если бы супруги не имели никаких связей с Германией и до конца чувствовали и вели себя как польские граждане, заявительница имела бы право на 1/2 долю наследства. Это следует из ст. 931 § 1 Гражданского кодекса Польши. Применение польского наследственного права в данном деле вытекает из ст. 21 п. 2 Регламента ЕС о наследовании. Согласно этому положению, право другого государства должно применяться к наследованию, если в исключительных случаях из обстоятельств в целом ясно, что покойный имел на момент смерти явно более тесную связь с другим государством, чем государство, право которого должно применяться в соответствии с п. 1. Поскольку отношения наследодателя и истца с Польшей являются необходимым условием для применения этой нормы, в дополнительном применении § 1371 Гражданского кодекса BGB (Bürgerliches Gesetzbuch). и, соответственно, в увеличении доли супруга в наследстве также должно быть отказано.

II. Апелляция, поданная в надлежащей форме и в надлежащий срок, является приемлемой и обоснованной. Поскольку в отсутствие отклоняющегося завещательного распоряжения сторона № 2 как жена покойного стала сонаследницей 1/4, а заявительница как единственная дочь - сонаследницей 3/4 в соответствии с §§ 1924, 1931 Гражданского кодекса BGB (Bürgerliches Gesetzbuch)., частичное свидетельство о праве на наследство, выданное 9 декабря 2016 года, было ошибочным, и свидетельство о праве на наследство, за которым обратилась заявительница, должно быть выдано ей, а суд по делам о завещаниях должен получить соответствующие указания в соответствии с §§ 2361, 2353 Гражданского кодекса BGB (Bürgerliches Gesetzbuch).

Применяется наследственное право Германии. Что касается применимого права, то дело о наследовании с 21 апреля 2016 года регулируется Регламентом ЕС о наследовании, который вступил в силу 17 августа 2015 года, в соответствии с его ст. 83 п. 2. Наследование по причине смерти регулируется правом государства, в котором умерший имел обычное место жительства на момент смерти (ст. 21 п. 1 Регламента ЕС о наследовании). Таким государством была Германия. Согласно утверждениям сторон, Сенат не может доказать, что у покойного была явно более тесная связь с Польшей, как утверждает заявитель, так что п. 2 ст. 21 Регламента о наследовании не применяется. Это объясняется тем, что не стало очевидным, что покойный действительно поддерживал тесную и прочную связь с Польшей в последние годы своей жизни и оставался центром своей жизни там в социальном плане, на что ссылается пункт 24 Регламента ЕС о наследовании. Тот факт, что все значительные активы находились бы в Польше, не установлен и не является достаточным сам по себе, а лишь особым фактором в контексте общей оценки, которая должна быть проведена. Таким образом, ответчик изначально стал наследником 1/4 в соответствии с § 1931 абз. 1 Гражданского кодекса (BGB). Также применим § 1371 Гражданского кодекса (BGB), который не исключается возможным польским режимом супружеской собственности.

Это объясняется тем, что данное положение имеет характер не брачно-семейного,

а наследственного права. ЕСПЧ (Постановление ЕСПЧ от 1 марта 2018 года - № С-558/16)⁴, вынес решение, противоречащее ранее преобладавшему мнению (см. Федеральный Верховный Суд Германии (BGH) от 13 мая 2015 года - № IV ZB 30/14⁵; см. также Сенат от 19 августа 2013 года - № 3 Wx 60/13⁶; критика мнения ЕСПЧ в Новом еженедельный юридический журнале от 2018 г.⁷).

Однако в отсутствие соглашения о супружеском имуществе, как в данном случае, это не обязательно приведет к увеличению наследственной доли в соответствии с § 1371 Гражданского кодекса (BGB). Это связано с тем, что для применения § 1371 абз. 1 Гражданского кодекса (BGB) необходимо наличие общности накопленной прибыли между супругами. Данное положение регулирует уравнивание накопленных доходов. Данное положение не применяется к другим режимам супружеской собственности по немецкому праву и применимо к иностранным режимам супружеской собственности только в том случае, если они явно схожи с общностью накопленной прибыли (Грюнеберг-Вейдлич комментарий к § 1931 Гражданского кодекса (BGB) абз. 10⁸). Сюда не относится общность нажитого имущества по польскому праву, которая больше похожа на немецкую общность имущества (против заменяемости также Высший Суд федеральной земли Гессен города Франкфурт от 14 сентября 2020 года - № 21 W 59/20 и Высший Суд федеральной земли Бранденбург от 26 января 2023 года - № 3 W 71/22). Таким образом, вспомогательное регулирование, касающееся решения об отказе в освобождении от ответственности, не имеет силы ни в одном случае. Оно основано на очевидном заблуждении, что применение немецкого наследственного права автоматически приведет к увеличению наследственной доли жены. Это не так. До смерти наследодателя супруги явно не проживали совместно с нажитым имуществом.

Положения Регламента ЕС не имеют значения для определения режима и статуса имущества супругов, поскольку разбирательство было начато до 29 января 2019 года (см. ст. 69 п. 2 Регламента ЕС). Режим имущества супругов в браке, заключенном в 1982 году, регулируется ст. 15, 14 Вводным законом к Гражданскому кодексу Германии (EGBGB) в редакции, действовавшей до 28 января 2019 года. Хотя закон в этой редакции вступил в силу после заключения брака только 1 сентября 1986 года (ст. 7 § 2 Закона о пересмотре международного частного права от 25 июля 1986 года, Бюллетень федеральных законов I стр. 1142 и далее), он ввел ст. 220 Вводный закон к Гражданскому кодексу Германии (EGBGB) в качестве переходного положения в ст. 1 № 11, пункт 3 которой устанавливает, что ст. 15 EGBGB применяется к бракам, заключенным между 31 марта 1953 года и 9 апреля 1983 года, на период после 8 апреля 1983 года. Поскольку, кроме того, ст. 220 абз. 2 Вводный закон к Гражданскому кодексу Германии (EGBGB) отсылает к положениям второй главы части первой EGBGB о последствиях (незаключенных) правоотношений по семейному праву на период с 1 сентября 1986 года, § 14 Вводный закон к Гражданскому

⁴ EuGH v. 01.03.2018 – C-558/16 (Mahnkopf), Новый еженедельный юридический журнал (NJW) 2018, 1377f

⁵ BGH v. 13.05.2015 – IV ZB 30/14, BGHZ 205, 289ff, bei juris Tz. 24;

⁶ Senat v. 19.08.2013 – 3 Wx 60/13, SchlHA 2014, 62ff, bei juris Tz. 21.

⁷ Krit. zur Ansicht des EuGH weiterhin Weber NJW 2018, 1356

⁸ Grüneberg-Weidlich § 1931 BGB Rn. 10; Weber Новый юридический еженедельный журнал (NJW) 2018, 1356, 1357f

кодексу Германии (EGBGB) также применяется в редакции, действующей с 1 сентября 1986 года.

Для определения режима супружеской собственности должны применяться нормы немецкого международного частного права (Deutsches IPR), независимо от того, принимает ли Сенат решение как немецкий суд (независимая связь) или режим супружеской собственности регулируется немецким правом (зависимая связь), которое должен был бы соблюдать, например, польский суд (см. Новый юридический еженедельный журнал (NJW) 2018, 1356, 1357).

Соответственно, имущественные последствия брака регулируются правом, применимым к общим последствиям брака на момент заключения брака (ст. 15 п. 1 2 Вводный закон к Гражданскому кодексу Германии (EGBGB) (в старой редакции), если только супруги не выбрали иной режим имущества супругов (ст. 15 п. 2 Вводного закона к Гражданскому кодексу Германии (EGBGB) (в старой редакции) или иной режим не вытекает из положений о режиме имущества супругов для перемещенных лиц и беженцев (VertrGüterstandsG) в соответствии со ст. 15 п. 4 2 Вводным законом к Гражданскому кодексу Германии (EGBGB) в старой редакции.

Брак был заключен в Польше гражданами Польши (в любом случае также польскими гражданами), поэтому к общим последствиям брака применялось польское законодательство, а значит, в соответствии со ст. 15 п. 1 Вводного закона к Гражданскому кодексу Германии (EGBGB), применялось и польское законодательство об имуществе супругов (см. Высший Суд федеральной земли Бавария города Мюнхен от 30 ноября 2015 года - № 34 Wx. 364/15⁹).

Однако вторая сторона утверждает, что оба супруга на тот момент уже были гражданами Германии, поскольку впоследствии получили удостоверение перемещенного лица А. Если бы это было верно, то применялась бы ст. 14 п. 1 № 1 Вводного закона к Гражданскому кодексу Германии (EGBGB) в сочетании со ст. 5 п. 1 предложение 1 1 Вводного закона к Гражданскому кодексу Германии (EGBGB). Согласно ст. 5 п. 1 предложение 2 Гражданского кодекса (BGB), к общим последствиям брака в отсутствие выбора права в соответствии со ст. 14 п. Вводного закона к Гражданскому кодексу Германии (EGBGB). Он утверждает, что оба супруга являются гражданами Германии по рождению. Это не поддается пониманию. Сторона 2. также не приводит никаких обоснований. Она лишь неоднократно ссылается на то, что уже обосновала это. Возможно, она предположила - как подозревает заявительница, - что немецкое гражданство следует из рождения в Штеттине (после 1945 года!), поскольку Штеттин принадлежал к территории Рейха до конца Второй мировой войны. Она указывает, что предки супругов были немцами, поскольку проживали в Щецине, и что супруги, следовательно, получили немецкое гражданство при рождении. Согласно § 3 Закон о подданстве рейха и немецком гражданстве (RuStAG) от 22 июля 1913 года, законный ребенок немца приобретает гражданство отца. Однако, если бы отец покойного обладал немецким гражданством на

---

⁹ OLG München v. 30.11.2015 – 34 Wx 364/15, Новый еженедельный юридический журнал (NJW) 2016, 1186ff, bei juris Tz. 14

основании Закона о регулировании вопросов гражданства того времени, то «Проходной процесс» был бы бессмысленным. Место рождения отца, Добромиль, также говорит против тезиса о его немецком гражданстве. Когда отец родился в 1925 году, он принадлежал Польше, а до Первой мировой войны - Австро-Венгрии. Под властью Германии он оказался лишь временно, во время Второй мировой войны, в составе Генерал-губернаторства (источник: Википедия). Кроме того, в документах, связанных с его депортацией, гражданство отца было указано как «польское».

Более вероятно, что вторая участница получила немецкое гражданство при рождении, поскольку, согласно решению города Киль от 24 октября 1984 года, ее мать была родом из Бромберга (Польша, бывшая Западная Пруссия, затем прусская провинция Познань) и была натурализована там после переезда в Дункельсдорф в Шлезвиг-Гольштейне в 1938 году. Ее мать после окончания Второй мировой войны переехала обратно в Штеттин (ныне Польша). Однако это не означает, что в результате она потеряла немецкое гражданство. Тем не менее, не имеет значения, могло ли такое гражданство быть «унаследовано» второй стороной, родившейся в зоне высылки, после заключения брака с поляком, что противоречит § 4 Закону о подданстве рейха и немецком гражданстве (RuStAG) в редакции, применявшейся до 1974 года, и отсутствию заявления, сделанного в соответствии со ст. 3 Закона об изменении Закона о подданстве и гражданстве (RuStAÄndG) 1974 года (Бюллетень федеральных законов I 1974, 3714), о желании стать гражданкой Германии. Ведь даже если бы вторая сторона имела немецкое гражданство с рождения, это не могло бы привести к применению немецкого режима супружеского имущества с момента заключения брака, так как наследодатель изначально не имел немецкого гражданства из-за брака, заключенного в Польше. Выбор режима супружеской собственности в соответствии со ст. 15 абз. 2 Вводного закона к Гражданскому кодексу Германии (EGBGB) - не был осуществлен.

Факт изменение режима супружеской собственности в соответствии с §§ 3, 1 абз. 1 Закона о режиме супружеской собственности перемещенных лиц и беженцев (VertrGüterstG) в редакции, действовавшей на момент переезда в Федеративную Республику и процедуры определения в середине 1980-х годов, не может быть установлен. Для этого необходимо, чтобы оба супруга были перемещенными лицами или считались таковыми. Это не так.

В ходе административного разбирательства было верно установлено, что 2-я сторона и ее мать сами не могли быть (изначально) перемещенными лицами. Это объясняется тем, что вторая сторона родилась лишь через несколько лет после окончания Второй мировой войны, когда выселения в связи с событиями Второй мировой войны уже закончились, и проживала в районе выселения в течение многих десятилетий после этого. Статус перемещенного лица, полученный от ее родителей в соответствии с § 7 Вводного закона к Гражданскому кодексу Германии (EGBGB), исключен, поскольку отец стороны 2 был поляком негерманского происхождения, а мать подпадала под критерии исключения по § 1 абз. 2 № 3 Вводного закона к Гражданскому кодексу Германии (EGBGB). В конце войны она жила в Шлезвиг-Гольштейне и только позже переехала в Щецин.

Однако, будучи женой покойного, вторая сторона могла бы приобрести (производный) статус перемещенного лица в соответствии с § 1 абз. 3 Вводного закона к Гражданскому кодексу Германии (EGBGB) (редакция от 3 сентября 1971 г., действующая до 30 июня 1990 г.). Вопреки мнению заявителя, в этом случае она стала бы перемещенным лицом в соответствии с § 1 Закона о режиме супружеской собственности перемещенных лиц и беженцев (VertrGüterstG), поскольку фикция, предусмотренная законом через слово «применяется», не только в общем случае приводит к правовым последствиям, связанным с имеющимся признаком, но и в рассматриваемом случае.

Это положение основано на том, что в случае браков между этническими немцами и не немцами, последние также нуждаются в особой защите изгоняемого, поскольку давление изгнания было оказано на них притеснением со стороны супруга-немца. Цель этого положения - защитить существующий брак от угрозы высылки супруга-немца. Исходя из этого, не имеет значения, является ли супруг немцем или нет. В § 1 (3) Закона «О делах перемещенных лиц и беженцев» (BFVG) содержится независимый, самостоятельный случай приобретения статуса, который учитывает, что супруг-немец не подпадает под действие § 6 BFVG (см. решение Федерального административного суда Германии (BVerwG) от 16 марта 1977 г. - № VIII C 58.76). В то время, когда Закон о режиме супружеской собственности перемещенных лиц и беженцев (VertrGüterstG) был создан (в конце 1960-х годов) также не имело смысла исключать смешанные браки из вопросов, касающихся передачи имущества.

Немецким судам следовало бы исключить смешанные браки из механизма изменения режима супружеской собственности. Это привело бы к тому, что немецким судам пришлось бы применять незнакомый иностранный закон о режиме супружеской собственности после переезда супругов в ФРГ и последующего распада брака. Кроме того, как правило, нельзя считать, что переезжающие в Германию уже обладают значительными активами. Скорее, они, как правило, начинали новую экономическую жизнь. Когда создавался закон, уже не предполагалось, что «железный занавес» рухнет в ближайшее время или в недалеком будущем. Скорее, предполагалось, что разделение Востока и Запада будет продолжаться еще очень долго и что активы в странах Восточного блока затем будут «потеряны навсегда» для тех, кто живет в ФРГ. Не было никаких причин сохранять текущий имущественный статус в так называемой зоне выселения для жизни в ФРГ. Однако для получения статуса изгнанника отсутствуют необходимые доказательства статуса наследодателя как изгнанника. Нельзя считать, что покойный был бы перемещенным лицом только потому, что статус перемещенного лица был установлен в свое время по административным каналам. Это заключение не обязывает Сенат и не освобождает его от процедуры независимого рассмотрения. В § 15 (5) Закона «О делах перемещенных лиц и беженцев» (BVFG) (старая версия) говорится, что решение о выдаче удостоверения личности высылаемого лица является обязательным для всех органов власти и учреждений. Однако это касается только предоставления льгот по публичному праву (см. решение Социального суда федеральной земли Baden-Württemberg от 16 мая 2005 г. - № LZR 4843/02, п. 18f; и решение Федерального социального суда от 20 октября 1987 г. - № 9 C 255/86, п. 21).

В отличие от административных актов, формирующих частное право (см. например, решение Федерального Верховного Суда Германии (BGH) от 21 февраля 2007 г. - № XII ZR 249/04, решение Федерального Верховного Суда Германии (BGH) от 26 февраля 1993 г. - № V ZR 74/92 (уведомление о распределении); Постановление Верховного федерального суда по гражданским искам № 122, 1ff, тезис 17 (разрешение на строительство); Решение Высшего суда федеральной земли города Schleswig от 13 января 2005 - № 7 U 78/02 (досрочный выход на пенсию); Решение Высшего суда федеральной земли города Dresden от 13 ноября 2018 - № 6 U 1113/18 (разрешение на строительство)), решение об определении статуса перемещенного лица не обязательно применяется в отношениях между частными лицами, но также должно быть выяснено судами общей юрисдикции, несмотря на регулярно лучшую компетентность властей, административных судов и трудность выяснения фактических обстоятельств в отношении наличия статуса перемещенного лица (Федерального Верховного Суда Германии от 3 февраля 1982 года - № IVb ZR 660/80). Это сразу же становится очевидным, поскольку удостоверение личности высылаемого не изменяет правовую ситуацию, а лишь призвано идентифицировать определенную правовую ситуацию, т. е. имеет декларативный, а не учредительный характер (Hohloch - Журнал семейного права 2010, 1216, 1219). В этом отношении удостоверение личности высланного лица даже не дает опровержение презумпции - и уж тем более не является «доказательством», как полагает заявитель, - статуса высланного лица, а лишь указывает на него;

Как и вторая сторона, покойный не подпадает под действие § 1 (1) Закона о делах перемещённых лиц и беженцев (BVFG). Раздел 1 абз. 2 № 3 Закона о делах перемещённых лиц и беженцев (BVFG) также не выполняется. Это связано с тем, что невозможно установить, что он был гражданином Германии, который покинул «восточную территорию Германии под иностранным управлением» или Польшу после завершения мер по высылке.

В этом отношении уже сомнительно, что покойный вообще покинул зону высылки. Согласно § 1 абз. 1 Закон о делах перемещённых лиц и беженцев (BVFG), высылка предполагает потерю места жительства. Однако в данном случае покойный, возможно, всегда имел место жительства в Польше. Это подтверждается информацией в реестре населения Щецина, согласно которой покойный был зарегистрирован по данному адресу вскоре после своего рождения 6 февраля 1953 года и снят с регистрации только после своей смерти 21 апреля 2016 года. Верно, что оставление места жительства не должно требовать надлежащего снятия с учета в компетентном реестре населения или соответствующем органе. Однако документы, представленные заявителем, свидетельствуют о том, что покойный уже временно вернулся в Польшу и работал там до 1990 года. Но тогда он должен был где-то там жить.

Бремя доказывания и установления факта оставления лежит - в отличие от юридически презюмируемого давления высылки (см. Сборник решений федерального административного суда (ФРГ) (BVerwGE) 78, 147; 74, 336) - на лице, которое ссылается на статус перемещенного лица, в данном случае на стороне 2. Однако последняя не выдвинула достаточно конкретных возражений против обстоятельств, приведенных заявителем, которые можно было бы исследовать. Полностью отсутствуют обоснованные

объяснения того, с какого момента и до какого времени покойный работал в ФРГ, которые можно было бы использовать для опровержения факта пребывания на работе в Польше. Однако, как жена наследодателя, сторона 2 должна была знать об этом, по крайней мере, в общих чертах, и должна была иметь возможность предоставить их. В результате, однако, Сенату не пришлось по собственной инициативе пытаться прояснить этот вопрос.

Это объясняется тем, что дополнительное условие немецкой этнической принадлежности еще не было установлено. Сам наследодатель заявил, что, въехав в страну в сентябре 1984 года, он чувствовал себя принадлежащим не к немецкому, а к польскому народу, о чем свидетельствуют его первоначальные заявления при регистрации во Фридланде 13 сентября 1984 года. Он также не соответствовал критерию владения немецким языком. Тот факт, что он соответствовал другим критериям § 6 Закона о делах перемещённых лиц и беженцев (BVFG), которые говорят в пользу этнической принадлежности, таким как приверженность к ней на родине, образование, культура, также не был представлен или иным образом стал очевидным.

Сенат также не смог доказать, что он, будучи сыном перемещенного лица, родившимся после перемещения, в свою очередь приобрел статус перемещенного лица в соответствии с § 7 Закона о делах перемещённых лиц и беженцев (BVFG). Как и вторая сторона, он был ребенком, родившимся после изгнания по смыслу этого положения, поэтому статус изгнанника мог быть также основан на статусе родителей - в данном случае отца.

Сомнительно, что отец наследодателя был «перемещенным лицом» хотя бы потому, что он никогда не покидал территорию выселения, скорее, он был родом из Добромиля, который на момент его рождения принадлежал Польше, а позже жил в Щецине. Однако § 1 абз. 1 предложения 1 Закона о делах перемещённых лиц и беженцев (BVFG) не требует, чтобы территория выселения была покинута. Скорее, согласно формулировке, будет достаточно, если место жительства в Добромиле (генерал-губернаторство и, таким образом, часть района высылки) было утрачено в результате бегства. Это подтверждается § 1 абз. 4 Закона о делах перемещённых лиц и беженцев (BVFG), который связывает статус перемещенного лица в таких случаях с дополнительным условием намерения остаться там навсегда.

Однако, прежде всего, ни отец покойного, ни сам покойный не уверены в том, что они были немцами по их гражданскому статусу. В оспариваемом постановлении и в своем уведомлении от 17 мая 2021 года местный суд подробно рассмотрел вопрос о том, был ли наследодатель немецкого происхождения или этническим немцем, и, как следствие, отказал в этом в уведомлении от 17 мая 2021 года. Сенат согласен с этим и, в частности ссылается на причины уведомления. Заключение, выданное реестром места происхождения, нельзя понимать как подтверждение статуса «изгнанника». Скорее, это просто общее заявление о процедуре и исторической ситуации.

Как бы то ни было, теперь этот довод признан обеими сторонами. Сенат полагает, что отсутствие ясности в вопросе личности отца покойного, упомянутое в письме из реестра места происхождения, не имеет отношения к делу из-за разных дат рождения. Гораздо

более вероятно, что отец наследодателя просто неверно указал дату его рождения. Никто из собеседников не утверждает, что его имя было очень распространенным («Ганс Мюллер»), так что ничто не указывает на существование другого человека почти того же возраста с таким же именем. Реестр места происхождения заявил, что у него есть только расовая карточка и медицинская карта. Ни то, ни другое не указывает на решение о включении лица в Национальный реестр Германии. В списке, приложенном к информации о составе населения в Добромиле - насколько это было известно на тот момент - указано в общей сложности 3431 житель, большинство из которых польского или еврейского происхождения, и только 25 человек числятся немцами, причем протестантами. Однако, религия отца покойного, указанная в расовой карте, была римско-католической, его национальность - «поляк», а в медицинском заключении было отмечено, что он говорил по-польски.

В документах, имеющихся в распоряжении Сената, в анкете от 30 сентября 1984 года в отношении дедушки и бабушки наследодателя по отцовской линии имеется только информация о том, что их родным языком был немецкий (см. решение Федерального административного суда Германии (BVerwG) от 22 декабря 2021 года - № 1 В 62/21, п. 5) или даже ссылка на немецкое происхождение. Это не очень хорошо согласуется с тем, что отец наследодателя не знал немецкого языка. Напротив, вполне очевидно, что он должен был вырасти (также) говорящим по-немецки, по крайней мере, из разговоров в семье, и выучить хотя бы основы. Из письма от 14 августа 1978 года нельзя сделать вывод о том, что бабушка Анна владела немецким языком, как указал заявитель, поскольку нельзя предположить, что Берта говорила по-польски. Кроме того, тот факт, что брат бабушки не был признан «перемещенным лицом» в соответствии с документами ЗАГСа, как видно из письма муниципалитета от 3 декабря 2020 года, не говорит в пользу немецкого происхождения или этнической принадлежности.

Сторона 2 не предоставила никаких фактических данных, которые могли бы свидетельствовать о том, что предки покойного по отцовской линии имели немецкое происхождение. Напротив, она даже выступила против представления заявителем доказательств, чтобы заслушать сестру покойного в качестве свидетеля о возможном немецком происхождении в семье отца покойного, как в своем заявлении от 11 ноября 2020 года, так и на слушаниях в Сенате. Со своей стороны, она также не указала Сенату на никакие другие подходящие возможности для разъяснения. Соответственно, у Сената нет причин использовать эту очевидную в других случаях возможность для разъяснений. Это объясняется тем, что поведение второй стороны говорит о том, что она сама не видит причин предполагать, что свидетель сможет подтвердить, что отец наследодателя был связан с немецким происхождением. Нельзя считать, что названный свидетель не сможет внести полезный вклад в прояснение ситуации только потому, что ее назвала заявительница. Кроме того, Сенат принял во внимание, что вторая сторона даже утверждала, что оба супруга были гражданами Германии по рождению, но не немцами по статусу, и в ходе разбирательства опиралась в основном на - как уже было сказано, не решающее при рассмотрении данного вопроса - признание статуса «изгнанника». Таким образом, Сенат не видит тут возможности дачи многозначительного для рассматриваемого

дела разъяснения, что отец наследодателя имел немецкое происхождение. Однако, если это не удастся установить с уверенностью, то оставшиеся сомнения пойдут во вред стороне, на которой лежит бремя установления этого факта.

Если нельзя установить, что отец покойного был этническим немцем, то и сам покойный не мог им быть, поскольку мать как «передатчик» немецкой национальности, несомненно, исключается. Но тогда и покойный не был «перемещенным лицом», удостоверение «перемещенного лица» было выдано ошибочно, и вторая сторона, как жена, также не могла получить для себя статус «перемещенного лица». Это также означает, что требования об изменении режима супружеской собственности в соответствии с Законом о семейном положении перемещенных лиц и беженцев (VertrGüterstG) не могут быть удовлетворены. Поскольку в соответствии с § 1371 Гражданского Кодекса Германии (BGB) увеличение наследственных долей стороны 2 не могло произойти, частичное свидетельство о наследовании было выдано ошибочно и должно быть отозвано. Согласно § 2361 Гражданского Кодекса Германии (BGB), свидетельство о наследовании должно быть отозвано, если установлено, что оно ошибочно. Для этого не требуется, чтобы Суд по делам о завещаниях был убежден в ошибочности свидетельства о праве на наследство, с другой стороны, простых (первоначальных) сомнений в его правильности недостаточно для его аннулирования (см. Грюнеберг-Вайдлих комментарии к § 2361 Гражданского Кодекса Германии (BGB) абз. 9). Решающим фактором здесь является то, считает ли суд после изучения и уточнения фактов правомерным свидетельство о праве на наследство (решение Федерального верховного суда Германии (BGH) от 5 июля 1963 г. - № V ZB 7/63). В данном случае дело обстоит именно так. Это связано с тем, что в соответствии с вышеизложенным свидетельство в части, где содержится право на наследство, с тем же содержанием больше не должно выдаваться стороне 2 по соответствующему заявлению. Невозможно установить, что требования § 1371 абз. 1 Гражданского Кодекса Германии (BGB) через ст. 15 абз. 4 Вводного закон к Гражданскому Кодексу Германии (EGBGB) и Закон о семейном положении перемещенных лиц и беженцев (VertrGüterstG) соблюдены. Напротив, свидетельство о праве на наследство, за которым обратилась заявительница, должно быть выдано, поскольку она имеет право на половину наследства в соответствии с § 1924 и 1931 Гражданского Кодекса Германии (BGB).

Обращение к польскому законодательству ни к чему другому не приводит. Действительно, право стран, расположенных восточнее, часто характеризовалось изменчивым режимом супружеской собственности еще до вступления в силу действующего польского Закона о международном частном праве 2011 года (Hausmann/Odersky, Интернациональное частное право § 9, п. 65). Например, прежний польский Закон о международном частном праве от 12 ноября 1965 года (перепечатан в 33-м издании Bergmann/Ferid по состоянию на 1 августа 1966 года, раздел «Страна Польша»), который применяется здесь с учетом брака и времени выезда, в ст. 17 устанавливал, что имущественные отношения обоих супругов определяются по (соответствующему) общему праву страны проживания. Однако в отношении польских граждан, согласно ст. 2 закона, применяется польское право, даже если один из них или оба имеют другое гражданство. Таким образом, даже если бы супруги ранее приобрели

немецкое гражданство, польское право супружеской собственности также применялось бы.

Принцип защиты законных ожиданий также не ведет к применению немецкого права в части регулирования института накопленных доходов. Однако принцип защиты законных ожиданий может быть распространен и на отношения между супругами (см. решение Федерального Верховного Суда Германии (BGH) от 3 февраля 1982 г. - № IVb ZR 660/80 (о ст. 15 Вводного закона к Германскому гражданскому кодексу (EGBGB) в старой редакции); решение Федерального Верховного Суда Германии (BGH) от 21 октября 1992 г. - № XII ZR 182/90), как верно признал и Суд по делам о завещаниях. Вопреки мнению заявителя, это также относится и к случаям, когда это изменяет права ребенка на наследство, поскольку применяется § 1371 Гражданского Кодекса Германии (BGB). В противном случае трудно представить себе ситуацию, в которой общность накопленных доходов (предполагаемая в отношениях между супругами по соображениям реализации принципа защиты законных ожиданий) не оказывала бы влияния на других наследников. Более того, дочери наследодателя также пришлось бы смириться с этим в ущерб себе, если бы супруги заключили соглашение об общности имущества при жизни. Ей не был бы нанесен чрезмерный ущерб, если бы супруги воздержались от заключения договора, поскольку они обоснованно полагали, что живут в соответствии с установленным немецким законодательством режимом супружеской собственности, предусматривающим общность накопленных доходов.

Однако в данном случае нельзя утверждать, что супруги были вправе предполагать, что имущественные последствия их брака вытекают из немецкого права и что речь идет об общности накопленных доходов. Сомнительно, что они вообще задумывались об этом. Вторая сторона также утверждает, что супруги не задумывались о своем правовом положении, но это не может служить основанием для доверия к конкретной правовой ситуации. Нет никаких признаков сформировавшегося доверия или каких-либо других признаков. Сам факт того, что они жили и работали в Германии, по крайней мере с конца 1980-х годов, не оправдывает такого предположения. В противном случае для них было бы очевидным обратиться к вопросу о режиме супружеской собственности в ответ на соответствующие текстовые предложения польских нотариусов, в результате чего этот вопрос был бы обсужден, и супруги задумались бы о том, какой режим супружеской собственности является для них правильным и следует ли достичь соглашения в этом отношении.

Более вероятно, что они не задумывались об этом, и что им было все равно, или что они воспринимали сохранение польского режима супружеской собственности как должное. В конце концов, они были поляками, поженились там и не разорвались отношений со страной, о чем свидетельствует тот факт, что они там работали и инвестировали. С точки зрения супружества, не было никаких оснований предполагать, что режим супружеской собственности в Польше изменится из-за дополнительного немецкого гражданства, которое они приобрели.

Отсутствие в документах ссылок на немецкое законодательство о супружеской

собственности, в частности, позволяет предположить, что супруги - обоснованно или нет - продолжали считать себя находящимися в польском режиме супружеской собственности. Независимо от правильности перевода польских терминов, обсуждавшихся между сторонами, из информации, предоставленной польским нотариусом, можно сделать не так уж много выводов. Можно предположить, что ни супруги как новички в области права, ни польский нотариус не задумывались о тонкостях режима супружеской собственности, а также соотношения немецкого и польского режимов супружеской собственности в то время. Это были стандартные договоры о покупке имущества, а не нормы семейного права. Различные переводы, в частности, издательства «Sprachbüro Nord», которое, возможно, неправильно использовало термин «общность накопленных доходов», показывают, что четкая классификация может быть сделана только при более тщательном изучении режимов супружеской собственности в обеих странах и общего использования соответствующих терминов.

Наконец, корректировка результата здесь также исключена из-за отсутствия норм, поскольку применяется не только немецкое наследственное право, но и польское право супружеской собственности, а наследственные доли стороны 2 не могут превышать 1/4. Корректировка в принципе возможна (см. Сенат от 19 августа 2013 года - 3 Wx 60/13¹⁰ (обратный случай: немецкое право супружеской собственности, иностранное наследственное право); Высший суд федеральной земли Нижней Саксонии города Целле от 8 мая 2003 - 6 U 208/02¹¹; Высший суд федеральной земли Гессен города Франкфурт от 17 ноября 2016 – № 20 W 103/15¹²; Участковый суд города Темпельхоф-Кройцберг от 28 января 2008 г. - № 172 F 6840/08, п. 12; Верховный суд Германии от 1 апреля 1993 г. - № VII ZR 22/92¹³; Высший суд федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия города Кёльн от 8 марта 1994 г. - № 3 U 75/89, в п. 24¹⁴; Высший суд федеральной земли Бавария города Мюнхен от 16 апреля 2012 - 31 Wx 45/12¹⁵; Штаудингер-Дернер (2007) ст. 25 Вводный закон к Гражданскому Кодексу Германии (EGBGB) п. 754).

Однако такой недостаток стандартов существовал бы только в том случае, если бы без адаптации были получены явно неравные результаты, поскольку как при применении только немецкого права в целом, так и при применении только польского права сторона 2 находилась бы в лучшем положении, чем сейчас. В данном случае это не может быть установлено. Действительно, по закону о наследовании вторая сторона находится в худшем положении. Однако следует учитывать, что общность имущества, в которой она имеет половину доли, все равно должна быть уравнена в соответствии с законом о супружеской собственности. Это означает, что она по-прежнему имеет право на половину имущества, приобретенного во время брака, и, кроме того, на 1/4 имущества, приобретенного умершим на основании ее статуса наследницы. В зависимости от того, в

---

¹⁰ Senat v. 19.08.2013 – 3 Wx 60/13, SHAnz 2014, 62ff, bei juris 23f

¹¹ OLG Celle v. 08.05.2003 – 6 U 208/02, FamRZ 2003, 1876, bei juris Tz. 87f.

¹² OLG Frankfurt v. 17.11.2016 – 20 W 103/15, FamRZ 2017, 1169ff, bei juris Tz. 52ff;

¹³ BGH v. 01.04.1993 – VII ZR 22/92, DtZ 1993, 278f bei juris Tz. 24.

¹⁴ OLG Köln v. 08.03.1994 – 3 U 75/89, FamRZ 1995, 1200f

¹⁵ OLG München v. 16.04.2012 – 31 Wx 45/12, FamRZ 2013, 36ff, bei juris Tz. 10ff; Weber NJW 2018, 1356, 1358

какой степени имущество было приобретено умершим до и во время брака, это может даже привести к тому, что вторая сторона в конечном итоге получит больше, чем она получила бы, если бы наследственная доля была увеличена только на 1/4 путем единовременного выравнивания доходов. Это особенно актуально, если у наследодателя не было или было очень мало имущества до вступления в брак. Это связано с тем, что нельзя предположить, что в случае применения немецкого законодательства о супружеской собственности оба супруга сразу же выделили бы друг другу половину всего имущества, приобретенного во время брака, и тем самым экономически создали бы для себя ситуацию с активами, равными по стоимости общему накопленному доходу. Сенат следует судебной практике, которая отклонила корректировку на общность имущества в других странах, где немецкое наследственное право и иностранное имущественное право совпадают, например, решение Высшего суда федеральной земли Гессен города Франкфурт от 14 сентября 2020 года - № 21 W 59/20, в случае немецкого наследственного права и китайского имущественного права (общность имущества), решение Высшего суда федеральной земли Бранденбург от 26 января 2023 года - № 3 W 71/22, для кубинского сообщества наследования и немецкого наследственного права.

Решение о расходах основывается на § 81 Семейного процессуального закона (FamFG). В соответствии с ней суд должен принимать решение о расходах по делу по своему разумному усмотрению. Это означает, что, в отличие от спорных гражданских процессов, успех или неудача не являются решающим фактором для распределения расходов, но должны быть приняты во внимание другие обстоятельства. Производство по делу о выдаче свидетельства о праве на наследство не является чисто имущественным спором, даже если спор якобы касается экономических интересов. С юридической точки зрения речь идет об установлении правильного правопреемства или воли наследодателя, изложенной в завещании. Суд также должен установить и оценить факты дела *ex officio*, независимо и вне связи с представлениями участвующих сторон. Если содержание завещательного распоряжения является предметом спора, стороны не могут свободно договориться о том, как они хотят его понимать, - в отличие от спора о толковании договорных документов. При рассмотрении дела о выдаче свидетельства о праве на наследство последняя воля третьего лица подлежит исполнению независимо от просьб и мнений сторон. Этой цели также служат слушания и сбор доказательств. Вопрос заключается в том, кто получает экономическую выгоду от разбирательства и в какой степени участвующие стороны внесли разумный вклад в установление объективно правильного правопреемства. Должны быть приняты во внимание такие обстоятельства, как обоснованность их взглядов на правопреемство или толкование завещания, преступное незнание фактических или юридических обстоятельств или надлежащее ведение процесса (см. Сенат от 31 марта 2015 года - 3 Wx 77/14, ZEV 2015, 635, 638). По мнению Сената, из этого следует, что судебные расходы должны быть разделены между сторонами, участвующими в разбирательстве, и что приказ о возмещении расходов не будет вынесен, если только нет оснований для одностороннего обременения стороны (см. Сенат от 31 марта 2015 года - 3 Wx 77/14, ZEV 2015, 635, 638). Как правило, справедливо, чтобы сторона, получившая большую часть наследства, несла и сопутствующие расходы. В данном случае это привело бы к тому, что апелланту было бы предписано нести 3/4

расходов. С другой стороны, Сенат также принимает во внимание тот факт, что вторая сторона в значительной степени проиграла дело и мало способствовала разъяснению, представив конкретные обстоятельства, а в основном лишь опиралась на последствия выпуска удостоверений личности высылаемых, принятые ею на себя, и оспаривала представление истца. По мнению Сената, это оправдывает присуждение ей большей доли расходов на разбирательство, чем это соответствовало бы чисто экономическому результату.

Определение стоимости основано на § 79, 61, 40 (1) № 2 и 3 Закона о нотариате Германии (GNotKG) и соответствует информации, предоставленной сторонами. Сенат не признал и даже не доказал тот факт, что стоимость имущества в действительности значительно превышает 120 000,00 евро. Никакой информации о стоимости недвижимости, находящейся в Польше, или о других объектах имущества здесь или там предоставлено не было.